

УДК 008

Реформа энтузиазма в эстетической мысли английского Просвещения

Кирюшкина Виктория Викторовна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры «История Отечества и культуры»,
Саратовский государственный технический
университет им. Ю.А. Гагарина,
410054, Российская Федерация, Саратов, ул. Политехническая, 77;
e-mail: cyr72@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена пониманию энтузиазма в эстетической мысли английского Просвещения. На материале творчества А.А. Шефтсбери, А. Поупа, Дж. Аддисона, Р. Стиля и ряда других авторов первой половины XVIII века анализируются те коннотации, которые понятие энтузиазма обретает в просветительском сознании. Автор доказывает, что тема поэтического энтузиазма – не случайное явление в художественной критике этого периода. Понятие энтузиазма в английском языковом сознании XVIII века легализуется в ходе общего процесса десакрализации европейской культуры. Основным направлением просветительской реформы энтузиазма становится погружение этого концепта в эстетическое пространство. Лорд Шефтсбери закладывает новое понимание вдохновения как исходящего не из трансцендентного источника, а из мирского, новый просветительский энтузиазм имманентен автору и земному миру, природе. Энтузиазм в просветительском дискурсе обретает новые для себя черты: обмирщенность, регулятивность, социальность, связывается с просветительским пониманием природы и ее роли, в качестве источника творчества утверждается душа или сознание поэта.

Для цитирования в научных исследованиях

Кирюшкина В.В. Реформа энтузиазма в эстетической мысли английского Просвещения // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 293-304.

Ключевые слова

Просвещение, эстетика, энтузиазм, вдохновение, творчество, А.А. Шефтсбери, А. Поуп, Дж. Аддисон.

Введение

Тема рождения новой трактовки энтузиазма в европейской культуре нового времени не раз привлекала внимание исследователей. Общим местом современной историографии данного вопроса является утверждение связи этой новой трактовки с романтической эстетикой. Часто положительная оценка энтузиазма (или вдохновения) служит исследователю маркером для идентификации того или иного автора с романтической или предромантической традицией, но так или иначе, подчеркивается расхождение с общепринятыми установками Просвещения [Irlam, 1999; Луков, 2006; Поляков, 2000].

Не только Ирлам, но и многие другие исследователи считают положительную трактовку энтузиазма несвойственной просветительской культуре, а ее проявления в литературе XVIII века простыми эксцессами, случайностью [Heyd, 1995, 211-240; Hartman, 1991, 99, 177; Hawes, 1996, 2, 16, 73; Enthusiasm, 1998].

Исключением из этого правила в 90-е гг. XX века стала монография Тимоти Кларка, где в главе, посвященной просветительскому отношению к энтузиазму, помимо яростной критики, освещается трансформация положительного понятия энтузиазма [Clark, 1997, 61-86]. В историографии XXI века этим путем идут Джон Мей, Томас Кеймер и Сара Эрон [Keumer, Mee, 2004; Mee, 2003; Eron, 2014].

Понятие энтузиазма оказалось в центре религиозных, эстетических и даже отчасти политических дискурсов английских интеллектуалов XVIII века. Востребованность этого концепта в просветительской мысли (и далеко не только в прескриптивном ключе, а именно, в проскриптивном, то есть – запретительном) не позволяет, на наш взгляд, согласиться с утверждением Джона Гиллори о смерти вдохновения во имя рождения воображения в культуре нового времени [Guillory, 1983, 7]. Утверждая упразднение концепции энтузиазма в европейской культуре XVIII века, исследователи, как правило, отталкиваются от ее идеальной и даже крайней модели, изложенной в «Ионе» Платона, подменяя ею всю сложную традицию античного энтузиазма. Это чрезмерно упрощает выводы исследователя. Между тем у того же Платона в «Федре» мы находим идею энтузиазма уже не столь абсолютно объективизирующую роль автора в творческом процессе. Здесь появляется место для проявления воли автора – он может не ждать прихода экстатического состояния, но подготавливать воспоминания своей души-псюхе, наблюдая отсветы идеального мира в красоте земного. Аристотелевская трактовка творчества еще дальше уходит от абсолютной модели энтузиазма. Тем не менее, он тоже использует понятие «энтузиазм», определяя его как «аффект этического порядка в нашей психике» [Аристотель, 1983], то есть, как некое страстное возбуждение. Однако на основании этого никто не пишет о смерти энтузиазма в IV в. до н.э. В период римского эллинизма появляется риторическая трактовка энтузиазма, известная нам по трактату «О возвышенном» Псевдо-Лонгина, очень, кстати говоря, востребованному в августинский век английской культуры. Понимание сложности и вариативности концепции

энтузиазма в античной культуре не позволяет делать вывод и о смерти энтузиазма в просветительской эстетике только на том основании, что новое понимание вдохновения не предполагает «призвание адресата из трансцендентного источника» [Guillory, 1983, 7].

Концепт энтузиазма в просветительском дискурсе

Очевидно, что, несмотря на всю популярность и авторитетность античной культуры, ее идей и понятий, античная концепция энтузиазма не может исповедоваться в своей оригинальной античной форме европейским обществом XVIII века в силу отсутствия в его мировоззрении естественной для нее космологическо-онтологической среды. Для европейца XVIII столетия это греческое понятие и обозначаемая им идея либо воспринимаются как фигура речи, общее место; либо как суеверие и глупость, болезнь, либо, наконец, наделяются новыми положительными смыслами.

Подозрительное отношение к энтузиазму – родом из XVII века. С одной стороны, претензия на вдохновение вызывала большие сомнения у церкви, ведь это ограничивало ее контроль над христианскими истинами – кто знает, какие идеи и образы могут быть объявлены завтра каким-нибудь визионером как полученные от божественного источника. Понимание энтузиазма как подрывающего власть (светскую или духовную) было подпитано опытом гражданской войны в Англии, деятельностью религиозных сект. Сомнения по поводу претензий на энтузиазм отражены и в Циклопедии Эфраима Чемберса 1728 года [Chambers, 1819, 316-317]. Претензия на энтузиазм расценивалась как потенциальное неприятие церкви и гражданской власти.

С другой стороны, рационалистам XVII века концепция экстатического творчества казалась уничижительной для человека. И для Локка энтузиазм – это прежде всего случай обмана или самообмана: «Энтузиазм основан не на разуме и не на божественном откровении, но на тщеславии разгоряченного и самонадеянного ума» [Locke, 1979, 699]. Британцы различных вероисповеданий, такие как Т. Гоббс, Г. Мор, А. Росс и Дж. Свифт, критиковали энтузиазм как нечто нерациональное и вредное для общества. Таким образом, концепт энтузиазма критиковался с совершенно противоположных позиций и по, казалось бы, взаимоисключающим основаниям: одним казался путем к анархии, другим – залогом рабства.

В XVIII веке становится принято дифференцировать «ложный энтузиазм» и энтузиазм поэтический. Сами классические истоки понятия энтузиазма давали возможность размышлять о благородном вдохновении, связанном с величием Древних. Статья из Циклопедии Чемберса начинается именно с характеристики последнего. Здесь специально подчеркивается отличие поэтического энтузиазма от его форм, сближающихся с фанатизмом. Ключевые сигнатуры поэтического энтузиазма, выделенные в статье – воображение и возвышенное, с особым акцентом на возвышенном (*sublime*) характерном результате поэтического энтузиазма [Chambers, 1819]. Но и в середине XVIII столетия в Словаре Сэмюэля Джонсона

поэтический энтузиазм характеризуется схоже – через понятия возвышенного, фантазии, воображения, экзальтации и подтверждается цитатой из Драйдена [Johnson, 1755].

Новая концепция энтузиазма наследует многие характеристики его «ложной» версии: активизация воображения, ведущая сила страсти (*passion*), необычность результата, «неправильность», отклонение от нормы в формах выражения, образность речи (которая в XVII столетии часто расценивалась как симптом энтузиазма-болезни), наконец, даже сама «заразность», превращающаяся теперь в заразительность оратора или поэта. При этом эти симптомы меняют свои негативные коннотации на положительные. Основным античным авторитетом, закрепляющим новую концепцию поэтического энтузиазма, становится Псевдо-Лонгин, чей трактат «О возвышенном» (I в.) много способствовал легализации новой нейтральной или секуляризированной теории вдохновения.

Но под влиянием лонгиновского трактата энтузиазм первоначально понимается как именно риторический концепт – упор делается на значение писательской или ораторской силы воздействия на слушателей, своеобразной формы риторического принуждения. Возвышенная речь, необходимым ингредиентом которой является энтузиазм, захватывает аудиторию, не оставляя ей свободы. Истинный энтузиазм часто становился темой риторических трактатов и учебников, значимых для европейской культуры XVIII века [Blair, 1801; Clark, 1997, 73-75]. Новая концепция энтузиазма содержит отпечаток психологического дискурса, прежде всего в понятии страсти (*passion*). Уже у Джона Денниса (1704 г.) читаем: «Образный язык... есть следствие энтузиазма, который является естественным языком страсти» [Clark, 1997, 67]. Таким образом, концепт энтузиазма связан с осознанием новой цели поэзии. Теперь это – не традиционные наслаждение и обучение, но и овладение чувствами аудитории и, соответственно, риторическая концепция энтузиазма, понимаемая как вдохновение аудитории силой энтузиазма ратора, становится применима и для поэтического, литературного творчества.

Переоценка энтузиазма в сочинениях лорда Шефтсбери

Пожалуй, самая влиятельная переоценка энтузиазма в XVIII веке была проведена лордом Шефтсбери. Понимание энтузиазма становится для Шефтсбери одним из пунктов расхождения с Локком. То, что Локк опорочил как «тщеславие разгоряченного и самонадеянного ума», Шефтсбери прославил как внутреннее моральное чувство гармоничной целостности Творения. Он различает ложный и истинный энтузиазм. Последний он традиционно и в полном согласии с Локком, трактует как болезнь, эпидемию, охватывающую подобно пожару толпы людей. Истинный же энтузиазм – реакция на бескорыстный восторг перед ощущением божественного порядка, здоровья и красоты в людях и мыслях: «Любовь и Восхищение – это энтузиазм; Порыв поэтов, восторженность ораторов, восторг музыкантов, высокое напряжение виртуоза, все это тоже энтузиазм. И наконец, я рад быть этим новым

энтузиастом» [Shaftesbury, 1790, 331]. Способность к энтузиазму обосновывается Шефтсбери пониманием автора как «второго Создателя». В рассуждениях неоплатоника Шефтсбери об энтузиазме много психологии. Например, его рациональное обоснование языческих обращений за вдохновением к музам – вдохновляют не боги, но сами мысли о них. Шефтсбери иронично берет на вооружение этот прием, обращаясь за вдохновением к лорду Соммерсу в «Письме об энтузиазме» [ibid., 4]. Вдохновение превращается у Шефтсбери в результат работы самодостаточной души или психики автора. Наконец, энтузиазм по Шефтсбери – фундаментальное и необходимое свойство, заложенное в человеческой природе. Энтузиазм как одна из благородных страстей пробуждает в человеке чувство благожелательности к другим людям и ощущение неизбежной связи с Создателем. Шефтсбери называет эту страсть «самой естественной», а ее существование «самым правильным в мире» [ibid., 27].

Таким образом, закладывается новое понимание вдохновения как исходящего не из трансцендентного источника, а из мирского, новый просветительский энтузиазм имманентен автору и земному миру, природе. А сама апострофа (формула обращения, invocatio), конечно не становится пустой фигурой речи, лишившись своего трансцендентного адресата, а обращена теперь к человеку – читателю, критику. Эрон справедливо замечает, что функция этого адресата не только вдохновлять, но и регулировать, направлять творчество автора, создавая условия для внутреннего диалога [Eron, 2014, 33]. Основными признаками нового просветительского энтузиазма уже в интерпретации Шефтсбери становятся его светский характер и регулятивность.

Во взглядах британских просветителей поэтический энтузиазм всегда строго ограничивался и направлялся понятиями рассудка (*judgment*), вкуса (*taste*) и разума (*reason*): «Превышение энтузиазма есть безумие» (Деннис) [Clark, 1997, 68]. Истинный энтузиазм должен культивироваться и регулироваться. Если этого не происходит, он может деградировать до вульгарных проявлений толпы. Если локковское видение энтузиазма проскриптивно, то, начиная с Шефтсбери в британском интеллектуальном обществе преобладает регулятивный подход к этому явлению. Шефтсбери рекомендует солилоквию как технологию дисциплины, как проверку страсти на соответствие рассудку (*understanding*) до того, как она выносится на публику.

Именно взгляды Шефтсбери оказали наибольшее влияние не только на теорию, но и на практику поэтического энтузиазма в британской культуре XVIII века. Так творчество Джеймса Томсона и Марка Акенсайда содержит прямые отсылки к рассуждениям «великодушного Эшли» [Thomson, 1788].

Александр Поуп о поэтическом энтузиазме

Но идеалом просветительского поэта для британцев XVIII столетия становится Александр Поуп. В своей поэзии он использует invocatio как сатирический прием, например, в «Похищении Локона» и «Дунсиаде». Сара Эрон доказывает, что «invocatio

у Поупа выполняет роль поэтического центра в структуре его сочинений, заимствуя ее из эпической поэзии [Egon, 2014, 83-143]. Плохая репутация энтузиазма и энтузиастов, сформировавшаяся под влиянием политических событий XVII века, удерживает Поупа от использования самого понятия энтузиазм в своих рассуждениях о творчестве. И не случайно в предисловии к переводу Илиады он «ругает» Чапмена (своего предшественника по опыту перевода Гомера), называя его «энтузиастом в поэзии» [Pope, 1715] и заставляя нас вспомнить локковскую характеристику энтузиазма как чего-то тщеславного, тщетного, ложного.

При этом лексема «вдохновение» (*inspiration*) задействуется Поупом хотя и редко, но избирательно и с положительной коннотацией. В том же предисловии к Илиаде он рисует картину настоящего поэтического энтузиазма: «Достаточно сегодня видеть, как свободно текут его стихи, чтобы вообразить Гомера не иначе как пишущим под диктовку Музы, и с такой большой силой и вдохновенной энергией (*inspired vigor*), что эти стихи пробуждают и возбуждают нас подобно звуку трубы» [ibid.]. Здесь необходимы два комментария. Во-первых, прояснить природу этой новой музыки Поупа нам позволяет другой, но сходный по своим задачам текст – предисловие, написанное Поупом к подготовленному им же собранию сочинений Шекспира. Поуп пишет: «Поэзия Шекспира само вдохновение (*inspiration*): он не столько имитатор, сколько инструмент Природы; и не достаточно сказать, что он говорит от нее, но она говорит через него» [Pope, 1986, 3]. Итак, поуповская муза – сама Природа, заложенные в ней законы творчества, созидания и имманентные самому поэту. Во-вторых, «вдохновенная энергия» поэта – самый совершенный путь к сознанию и чувствам аудитории. Поупа восхищает больше Гомер, который «делает нас слушателями», чем Вергилий, который «оставляет нас читателями» [Pope, 1715]. То есть пример для собственного поэтического творчества он находит в риторике, в риторическом энтузиазме (не случайно звучит наивысшая похвала в «Опыте о критике»: «Лонгин, всеми девятью вдохновленный» [Pope, 1824, 134], а вдохновенная поэзия – это та, что захватывает воображение читателя.

Кроме всего, «вдохновение» у Поупа обозначает еще одну коммуникацию, но тоже в пределах человеческого сообщества. Он желает себе как поэту вдохновляться примером «древних», обращается за вдохновением к «гениям» прошлого [Pope, 1986, 11; Pope, 1824, 76].

Таким образом, поэтическое вдохновение у Поупа тоже имеет светский характер, имманентный земной природе и, через нее – природе самого поэта. Но, что не менее важно, демонстрирует свою связь с риторикой и риторической страстью овладения аудиторией. Вдохновение поэта – дело социальное, и основная функция изобретательности гения – «открывать своим читателям истины» [Egon, 2014, 42]. В новой трактовке энтузиазма связь между богом и поэтом заменяется столь же властной коммуникацией по линии поэт – вдохновленный читатель.

Трактовка поэтического вдохновения в эссе «Болтуна» и «Зрителя»

Но широкому распространению новых взглядов по вопросам искусства, так же как политической и общественной жизни, в Англии начала XVIII столетия способствуют периодические издания. Наиболее авторитетными в области художественной критики становятся журналы «Болтун» ("*Tatler*") и «Зритель» ("*Spectator*"), издаваемые Дж. Аддисоном и Р. Стилом. Как и для Поупа сама лексема «энтузиазм» для этих авторов заражена негативным смыслом и отождествляется с фанатизмом (прежде всего – протестантским) и безумием (религиозным или любовным, как в Истории Орландо (эссе <https://ru.wikipedia.org/wiki/Tatler> № 50) [The *Tatler*, 1831, 113]. Аддисон критикует те риторические приемы, которыми испортили вкус англичан протестантские проповедники и пишет о «перекосах энтузиазма» и «жаргоне энтузиазма» (эссе № 407, 458) [The *Spectator*, 1822, Vol. 5, 10, 251]. Религиозный энтузиазм он сравнивает с упрямым шутом. «Энтузиазм имеет нечто от безумия» – заключает Аддисон в 201 эссе «Зрителя». Исключение среди этой негативной коннотации понятия «энтузиазм» составляет эссе Стиля, где автор пишет о «сладком энтузиазме, который подогревает воображение зрелищем всех творений природы и превращает все вокруг нас в картину или ландшафт» (эссе № 89) [The *Tatler*, 1831, 184]. Мы узнаем по описанию Стиля то состояние художника, которое Аддисон в своих эссе передает понятием восторга (*delight*) [The *Spectator*, 1822, Vol. 5, 27-83].

Понятие «вдохновение» («*inspiration*») чуть чаще используется авторами «Зрителя» в эстетическом контексте, при этом, конечно, полностью обмирщается: вдохновение поэту дает возвышенная тема (предмет) сочинения, а сам автор вдохновляет своих читателей на добродетели (эссе № 618) [*ibid.*, Vol. 6, 460-462]. Но все эти случаи словоупотребления не являются ни типичными, ни значимыми для авторов ранних английских журналов. В 160 эссе Аддисон рисует яркий образ вдохновенного поэта, однако использует другую лексику. Он пишет о «природном жаре и горячности» ("*natural fair and impetuosity*") поэта, о «божественном импульсе, который возвышает дух (*mind*) над самим собой и делает звуки более, чем человеческими» [*ibid.*, Vol. 2, 321-322]. Но пусть нас эта риторика не вводит в заблуждение. Понимание поэтического вдохновения у Аддисона совершенно соответствует эпохе и духу Просвещения.

Его он излагает в своем эссе «Об удовольствиях воображения». Содержание этого эссе интересно не только рассуждением Аддисона о первичных и вторичных удовольствиях воображения, повлиявшим на дальнейшее развитие эстетической мысли. Явственные корреляции с платоновской концепцией творчества в ходе мыслей Аддисона обнажают те изменения, которые претерпела концепция поэтического энтузиазма в просветительском сознании. Если для Платона основа творчества – это воспоминания души о мире внечувственном (мире идей), толчком к которым становится лицезрение несовершенной земной красоты, то у Аддисона – это воспоминания о мире чувственном и только о нем: зрение – чувство,

«которое поставляет воображению его идеи». Удовольствия воображения «возникают из восприятия видимых предметов, либо когда они находятся в поле нашего зрения, либо когда мы возбуждаем их идеи в нашем сознании при помощи картин, статуй, описаний...» (эссе № 411) [ibid., Vol. 5, 28]. Мы видим, что мир природы заменил у Аддисона платоновский мир идей, а искусство оказалось на месте платоновского чувственного мира, то есть сакральный план исчез из новой модели творчества. Идеями же Аддисон называет те образы красоты, которые воспринимают наши чувства – зрение, обоняние, слух из окружающего мира. Но идеи Аддисона – это и не эйдосы Аристотеля, оформленные материей в мире природы. Ссылаясь на Локка и «современных философов» Аддисон пишет: «свет и цвет, воспринимаемые воображением, являются лишь идеями нашего сознания, а не качествами, которые имеют какое-либо существование в материи» (эссе № 413) [ibid., 40].

В рассуждениях Аддисона проступает фантом платоновской пещеры, но и здесь – огромные изменения: даже сидя в подземелье человек способен «развлечь себя картинками и пейзажами более прекрасными, чем можно было бы найти в природе, при всем ее разнообразии» (эссе № 411) [ibid., 28]. Если образ пещеры в «Государстве» создается Платоном как символ ограниченности человека, его чувственного восприятия, то Аддисон воспекает природу человека, торжество его возможностей над любыми внешними ограничениями.

Итак, как же понимает Аддисон источник вдохновенного творчества? Для него это – сознание (*mind*) писателя: «великий писатель (*a noble writer*) должен быть рожден со способностью ярко воображать вещи во всей ее силе и энергии, чтобы быть в состоянии получать живые идеи от внешних объектов, долго их сохранять и выстраивать их затем под влиянием обстоятельств в такие фигуры и изображения, которые скорее поразят воображение (*fancy*) читателя» (эссе № 417) [ibid., 61]. Новизна идей Аддисона в том, что воображение он рассматривает не только как инструмент восприятия искусства, качество, необходимое читателю (эта сфера реализации удовольствия воображения описана им в первых эссе на эту тему и традиционно развивает риторическую концепцию энтузиазма). Подлинный прорыв, намеченный Аддисоном в сознании европейцев в том, что воображение становится у него центральной категорией авторского сознания, другими словами, становится основным объяснением самого феномена авторства.

Материалом для сознания художника служат идеи, то есть впечатления от внешнего мира, поставляемые чувственным восприятием (*senses*). Эти идеи (впечатления) оставляют следы в нашем мозгу, возбуждаясь под впечатлением какого-либо уже знакомого ощущения, остальные идеи при этом тоже воскрешаются в памяти и наполняют воображение, выстраиваясь в нем в некую единую картину (эссе № 417) [ibid., 60]. Таким образом, не случайно Аддисон пишет об удовольствии воображения. Он тем самым относит воображение к чувственной природе человека, отводя ему место на вершине пирамиды чувственной природы. Воображение венчает собой чувственное восприятие, познание человека, и его наивысшим выражением становится вдохновенное творчество, такое, каким был отмечен Пиндар.

Выводы

Понятие энтузиазма в английском языковом сознании XVIII века легализуется в ходе общего процесса десакрализации европейской культуры. Основным направлением просветительской реформы энтузиазма становится погружение этого концепта в эстетическое пространство. Оказавшись на передовом фронте эстетической мысли XVIII столетия, концепт поэтического вдохновения чутко реагирует на все актуальные движения – поиски и споры, оставаясь явлением просветительской культуры, а не анахронизмом, случайностью или эксцессом. Осваивая этот концепт, просветители придают ему черты своего сознания: светскость, регулятивность, социальность, связывают его с собственным пониманием природы и ее роли. Тема поэтического энтузиазма зафиксировала в себе и дальнейшую динамику европейской культуры: в качестве источника творчества утверждается душа или сознание поэта. Изучение роли поэтического энтузиазма в авторском самосознании британских писателей эпохи Просвещения дает шанс воссоздать более сложную и многогранную духовную жизнь британского общества того времени.

Библиография

1. Аристотель. Сочинения. Т. 4. Политика. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.
2. Луков В.А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. 680 с.
3. Поляков О.Ю. Развитие теории жанров в литературной критике Англии первой трети XVIII века (газетно-журнальная периодика). М.: МПГУ, 2000. 141 с.
4. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres, Vol. 2. Paris: Basil, 1801. 414 p.
5. Chambers E. Cyclopædia: or, An universal dictionary of arts and sciences. London: Longman, 1819. 164 p.
6. Clark T. The Theory of Inspiration: Composition as Crisis of Subjectivity in Romantic and post-Romantic writing. Manchester: Manchester University Press, 1997. 312 p.
7. Eron S. Inspiration in the Age of Enlightenment. Newark: University of Delaware Press, 2014. 251 p.
8. Guillory J. *Poetic Authority: Spenser, Milton and Literary History*. N. Y.: Columbia University Press, 1983. 201 p.
9. Hartman G.H. *Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars*. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 252 p.
10. Hawes C. *Mania and Literary Style: The Rhetoric of Enthusiasm from the Ranters to Christopher Smart*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 241 p.
11. Heyd M. «*Be Sober and Reasonable*»: The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries. Leiden: E.J. Brill, 1995. 312 p.
12. Irlam S. *Elations: The Poetics of Enthusiasm in Eighteenth-Century Britain*. Stanford: Stanford University Press, 1999. 284 p.

13. Johnson S. A Dictionary of the English Language. 1755. URL: http://johnsonsdictionaryonline.com/?page_id=7070&i=708
14. Keymer T., Mee J. The Cambridge Companion to English Literature, 1740-1830. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 328 p.
15. Locke J. An Essay concerning Human Understanding. Oxford: Oxford University Press, 1979. 748 p.
16. Mee J. Romanticism, Enthusiasm, and Regulation: Poetics and the Policing of Culture in the Romantic Period. Oxford: Oxford University Press, 2003. 320 p.
17. Pope A. Preface // Pope A. (ed.) The Iliad of Homer, Vol. 1. L.: W. Bowyer for Bernard Lintott, 1715. URL: <http://rpo.library.utoronto.ca/display/displayprose.cfm?prosenum=15>
18. Pope A. Preface to Shakespeare // Pope A. (ed.) The Prose Works of Alexander Pope, Vol. 2. Hamden, CT: Archon Books, 1986. URL: <http://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/pope-shakespeare.html>
19. Pope A. The Works of Alexander Pope, ESQ. London: Print. for Rivington [et al.], 1824. 333 p.
20. Shaftesbury A. A Letter Concerning Enthusiasm // Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times by the Right Honorable Antony Earl of Shaftesbury, Vol. 1. Basil: Print. For J.J. Tourneisen, J.L. LeGrand, 1790. 401 p.
21. The Spectator. London: Print. for Rivington [et al.], 1822.
22. The Tatler, with notes, and a general index. Philadelphia: J.J. Woodward, 1831.
23. Thomson J. Summer // Thomson J. (ed.) The Works of James Thomson, Vol. 1. London: Printed by A. Strahan, 1788. P. 88.

Reform of Enthusiasm in Aesthetics of the English Enlightenment

Viktoriya V. Kiryushkina

PhD in History,

Associate Professor,

Department of national history and culture,

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,

410054, 77 Politechnicheskaya st., Saratov, Russian Federation;

e-mail: cyr72@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to the understanding of enthusiasm in the English Enlightenment aesthetics. The subject of the birth of a new interpretation of enthusiasm in the European

culture of modern times drew an attention of researchers. The general provision of the modern historiography is the adoption of communication of this new treatment with a romantic esthetics. With works of A.A. Shaftesbury, A. Pope, J. Addison, R. Style the author analyzed the enlightenment's connotations of the enthusiasm concept. The author argues that the topic of poetic enthusiasm is not an accidental phenomenon in the art criticism of this period. The concept of enthusiasm in the English linguistic consciousness of the XVIII century legalized by the overall process of desacralization of European culture. The main enlightenment's enthusiasm reform direction located of this concept in the aesthetic space. Lord Shaftesbury established a new understanding of inspiration as something coming not from transcendent origin, but from the mundane one. The new enlightenment's enthusiasm is immanent to author and to earthly world, nature. Enthusiasm in enlightenment's discourse took on some new features: worldly, regulative and public. It is associated with enlightenment's notion of nature and its role. The soul or consciousness of the poet as creativity origin is approved.

For citation

Kiryushkina V.V. (2016) Reforma entuziazma v esteticheskoj mysli angliiskogo Prosvetsheniya [Reform of Enthusiasm in Aesthetics of the English Enlightenment]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (5A), pp. 293-304.

Keywords

Enlightenment, aesthetics, enthusiasm, inspiration, creativity, A.A. Shaftesbury, A. Pope, J. Addison.

References

1. Aristotle (1908) *The Works of Aristotle Translated into English Under the Editorship of W.D. Ross*. Oxford: Clarendon Press. (Russ.ed.: Aristotel'. (1983) *Sochineniya*, Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ.)
2. Blair H. (1801) *Lectures on Rhetoric and Belles Lettres*, Vol. 2. Paris: Basil Publ.
3. Chambers E. (1819) *Cyclopædia: or, An universal dictionary of arts and sciences*. London: Longman.
4. Clark T. (1997) *The Theory of Inspiration: Composition as Crisis of Subjectivity in Romantic and post-Romantic writing*. Manchester: Manchester University Press.
5. Eron S. (2014) *Inspiration in the Age of Enlightenment*. Newark: University of Delaware Press.
6. Guillory J. (1983) *Poetic Authority: Spenser, Milton and Literary History*. N. Y.: Columbia University Press.

7. Hartman G.H. (1991) *Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Hawes C. (1996) *Mania and Literary Style: The Rhetoric of Enthusiasm from the Ranters to Christopher Smart*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Heyd M. (1995) *"Be Sober and Reasonable": The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries*. Leiden: E.J. Brill.
10. Irlam S. (1999) *Elations: The Poetics of Enthusiasm in Eighteenth-Century Britain*. Stanford: Stanford University Press.
11. Johnson S. (1755) *A Dictionary of the English Language*. Available at: http://johnsonsdictionaryonline.com/?page_id=7070&i=708 [Accessed 10/09/16].
12. Keymer T., Mee J. (2004) *The Cambridge Companion to English Literature, 1740-1830*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Locke J. (1979) *An Essay concerning Human Understanding*. Oxford: Oxford University Press.
14. Lukov V.A. (2006) *Predromantizm [Preromanticism]*. Moscow: Nauka Publ.
15. Mee J. (2003) *Romanticism, Enthusiasm, and Regulation: Poetics and the Policing of Culture in the Romantic Period*. Oxford: Oxford University Press.
16. Polyakov O.Yu. (2000) *Razvitie teorii zhanrov v literaturnoi kritike Anglii pervoi treti XVIII veka (gazetno-zhurnal'naya periodika)* [Theory of genre in English literary criticism in early 18th c. (on the basis of periodical publications)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ.
17. Pope A. (1715) Preface. In: Pope A. (ed.) *The Iliad of Homer*, Vol. 1. L.: W. Bowyer for Bernard Lintott. Available at: <http://rpo.library.utoronto.ca/display/displayprose.cfm?prose-num=15> [Accessed 10/09/16].
18. Pope A. (1824) *The Works of Alexander Pope, ESQ.* London: Print. for Rivington et al.
19. Pope A. Preface to Shakespeare. In: Pope A. (ed.) *The Prose Works of Alexander Pope, Vol. 2. Hamden, CT: Archon Books, 1986*. Available at: <http://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/pope-shakespeare.html> [Accessed 10/09/16].
20. Shaftesbury A. (1790) A Letter Concerning Enthusiasm. *Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times by the Right Honorable Antony Earl of Shaftesbury*, Vol. 1. Basil: Print. For J.J. Tourneisen, J.L. Legrand.
21. *The Spectator* (1822). L.: Print. for Rivington et al.
22. *The Tatler, with notes, and a general index* (1831). Philadelphia: J.J. Woodward.
23. Thomson J. (1788) Summer. In: Thomson J. (ed.) *The Works of James Thomson*, Vol. 1. London: Printed by A. Strahan, p. 88.